

ОМУТ

В Петропавловске-Камчатском, в один из на редкость очень теплых дней, милицией была задержана группа молодых людей. Человек десять. Задержали их на знаменитом, воспетом поэтами холме, названном в народе Сопкой любви. Молодые люди, казалось, не нарушали общественного порядка. По крайней мере, не пили, не шумели. Просто они расположились в действительно непривычный для камчадалов жаркий и очень душный день обнаженными. Ну, прямо — в чем мать родила. Юноши и девушки. Вообще-то правильнее будет сказать, молодые мужчины и женщины. Сопка любви отгораживает центр города от гигантской Авачинской бухты. Самое, может, невероятное и необъяснимое было то, что молодые эти люди голыми расположились не где-нибудь там... ну хотя бы вблизи пляжа бухты, а прямо на склоне, обращенном к городу. И даже не под деревьями, а где-то на опушке, на лесном обсевке.

Допрашивал группу начальник горотдела милиции Семен Гарелик, с которым мы дружили долгие годы. Семен Адольфович признался, что пригласил меня поприисутствовать на допросе вовсе не всуе. Задержанные вели себя не то что странно или необычно. Гарелик многое повидал на своем веку, в прошлом боевой офицер. Разведчик. Весь в орденах. Да и Петропавловск — город не из спокойных. Как-никак весь нашпигован бичами, списанными на берег с рыболовецких судов. Так что трудно было удивить начальника милиции «странностью» или «необычностью». Разные совершенно люди были в задержанной группе. Возраст — от двадцати до сорока лет. Образование — и без аттестата зрелости, и с институтским дипломом. Но такое впечатление, словно одна мать родила всех их. Начальник милиции сказал даже, что, по его мнению, у всех глаза одинаковые. На вопрос, какие именно глаза у них, Гарелик ответил: «Не могу сказать. В них пустота и страх одновременно».

Но пригласил меня начальник милиции не для того, чтобы дать определение глазам задержанных людей на Сопке любви.

Уже при первой беседе они шпарили таким обилием мудреных терминов, что Гарелику захотелось непременно иметь рядом врача.

— Вы представляете, — сказал начальник милиции, как только я переступил порог его небольшого кабинета, — они, эти ненормальные люди, уж больно умные.

— Ненормальные потому и ненормальные, что очень умные, — поддержал я шуткой какое-то странное начало встречи.

— Вот ты скажи, кто такой Аристипп? — спросил Гарелик.

— Понятия не имею, — ответил я, — наверняка, какой-нибудь философ из Древней Греции. Иначе чего бы человечество хранило память о нем.

— Это не ответ. Так отвечают хитрые студенты. А вот задержанные считают, что Аристипп — это их бог.

— Кто же такой этот новоявленный бог? — спросил я.

Гарелик показал на кипу книг и брошюр, давая понять, что, так сказать, предмет изучил и будет теперь говорить с правом человека, владеющего материалом. Честно говоря, я поначалу был в замешательстве. За полированным столом, который казался непомерно массивным в небольшом кабинете, сидит широкоплечий полковник с лысой головой и с нескрываемой хитрецей в глазах ведет непонятный разговор о каком-то Аристиппе.

— И чему вас там учили в институте? — начал он демонстрацию своих познаний в древнегреческой философии. — Аристипп из Кирены. Жил он в четвертом веке до нашей эры, ученик самого Сократа. Основал киренскую школу, сторонники которой и назывались киренаками. Создал Аристипп философское учение, получившее название гедонизм.

— А вот это мы уже, как говорят школьники, проходили, когда в институте изучали латынь, — перебил я собеседника. — Гедонизм означает наслаждение. Термин применяется даже в психиатрии, точнее, в наркологии. Предмет, который я упорно изучаю.

— Вот потому и пригласил я тебя. Так слушай меня дальше. Тут все дело в том, что Аристипп разработал и распространял среди своих учеников формулы, которые, оказалось, получились очень даже живучими. Например, целью жизни и высшим благом является наслаждение. Или: зло — это то, что приносит человеку страдание. А добро — соответственно — это то, что приносит удовольствие. И вообще, основным движущим началом в человеке, заложенным в него самой природой, нужно считать только получение наслаждения и избежание страданий.

— А что?! Неплохая вообще-то теория. Кто не хочет наслаждений и кто хочет страданий?

— Никто. Но я сейчас познакомлю тебя с задержанными накануне гавриками, и ты увидишь, что это за теория такая на практике. Честно говоря, ума не приложу, что делать с ними.

...Лица многих из них не помню. Прав был начальник милиции: все они словно на одно лицо. И все же одного из них я запомнил очень хорошо. И не только потому, что во время беседы его то и дело называли запоминающейся кличкой Хинди из-за родимого пятна на лбу. Дело в том, что с человеком этим впоследствии я встречался не раз.

Был в этой группе и свой вожак. Самый старший по возрасту. Под сорок. Вел он себя не то что нагло, но уверенно, даже самоуверенно. Создавалось впечатление, что он боится, как бы его не унизили перед компанией. Вечный страх атаманов. Он упорно доказывал, что стремление к земным радостям должно предписываться людям как принцип нравственности. Любой индивид представляет собой автономную личность, которая должна стремиться к получению наслаждения.

На вопрос, что нужно делать конкретно, чтобы получить наслаждение, атаман ответил с ходу, что называется, без подготовки: «Избежать страданий и попытаться перенести себя в мир, где ты велик, как космос». После мы с Гареликом долго еще просматривали стенограммы той беседы, и перед нами, словно на экране, вновь прокручивались кадры из странного и страшного кино. Страшна была не сама философия этих людей, а средства, с помощью которых они желали легально перенести себя в мир иллюзий. «Если не возбраняется курить табак, являющийся обыкновенным растением, произрастающим на земле, то почему нельзя курить другое растение, которое тоже произрастает на земле?» — переписал я в свой блокнот из той стенограммы. А вот еще: «Если медицина придумала лекарство, чтобы избавить человека от физической боли, то почему возбраняется избавляться от боли душевной с помощью тех же патентованных препаратов?» Или: «Нет таких законов, чтобы сажать нас. Мы исповедуем гедонизм и эвдемонизм, которые не противостоят марксизму. По крайней мере, в первом случае термин можно заменить словом «благо», а во втором — «счастье». Выписал я и философские формулы, которыми, как говорил Гарелик, так легко «шпарили» наши собеседники. «Моральные требования выводятся из «биологическо-психологических» особенностей человека». «Человек руководствуется в своих действиях только

личными интересами и интересами своих родных и близких». На вопрос: «Есть ли у кого из вас дети?» помнится, все, словно сговорившись, хором произнесли имя Хинди.

Поведали нам и историю о том, что жена Хинди находится в областной больнице. Накануне ей стало плохо, она прямо на улице потеряла сознание. Увезли ее в больницу. Как только ей станет лучше, они, Хинди и жена, вернутся на материк. А остальная группа должна покинуть Петропавловск-Камчатский через три дня. Кончается туристический срок поездки по Дальнему Востоку.

Прав был начальник милиции, когда говорил: «Ума не приложу, что делать с этими гавриками». Тогда, в середине шестидесятых, мы даже в кулуарах, даже дома не позволяли себе говорить о наркомании как о зле, которое имеет прямое отношение и к нам тоже. Просто время от времени печатали в рубрике «Их нравы» заметки о наркомании, которая ползет по западному миру. Да и то в тех публикациях главенствующим информационным поводом были, скорее, сообщения о преступлениях мафии, прибравшей к рукам индустрию «белой смерти», нежели какие-либо подробности о сути и смысле недуга. У нас просто молчали о проблеме. Слово ее и не было. Закон, конечно, боролся против тех, кто явно наглед. То есть против тех, кто распространял наркотики. А в некоторых республиках даже соответствующей статьи не было, по которой можно было вести эту самую борьбу по-настоящему. Вот почему начальник горотдела милиции Петропавловска-Камчатского не мог ничего поделать с целой группой наркоманов. Можно было, конечно, привлечь их к ответственности и за то, что они голыми валялись в черте города на Сопке любви. Да и за провоз анаши можно наказать. Но, подумал начальник милиции, хлопот не оберешься. Какие-то туристы. День-другой — и они оставят полуостров. Забот хватает со своими бичами, а тут еще возиться с заезжими «гастролерами».

Единственное, что осталось сделать, — это проследить, чтобы вся группа выехала. Проследили. Правда, в группе той, поднявшейся на палубу туристского судна, не было лишь Хинди и его супруги. Но об этом я узнал потом. Спустя несколько лет.

...В одном из районных центров Корякского национального округа под гостиницу отвели добротный рубленый дом. По долгу службы я довольно часто ездил в командировки и всегда останавливался в гостинице, которая иногда неделями пустовала из-за длительной пурги. В тот раз гостиница была битком набита. Такое нынче даже на Севере бывает не так уж редко.

Нынче ведь проводят прорву выездных симпозиумов, национальные ярмарки, даже так называемые северные олимпийские игры. Крохотная столовая едва успевала готовить завтраки, обеды и ужины для своих шумных гостей. Именно в столовой, где все сидели за столом в кухлянках и даже в малахях, и увидел я человека, которого не узнать не мог. На светлом лбу круглая родинка с гривенник. Ошибиться я не мог. Это был Хинди. Прошло лет пять, но я узнал его не только по природной отметине, давшей ему кличку. Узнал и он меня. Поздоровались. Перекинулись несколькими словами. Оказывается, он регулярно заезжает в поселок, где находится вспомогательная школа, в которой учится его дочь. Договорились встретиться вечером.

Выполняя задание облздравотдела, я посетил днем районную больницу, школу-интернат, поликлинику и все время ловил себя на мысли, что думаю о предстоящей встрече с Хинди. Невольно вспоминал тот день, когда в небольшом зальчике горотдела милиции Гарелик допрашивал в моем присутствии группу «гавриков», в которой находился высокий стройный мальчуган с родинкой. Вспомнилось и то, как кто-то сказал, что человек с родинкой был единственным во всей группе женатым и что жену накануне забрали в больницу. Думал я еще о том, что нынче утром в столовой я обнаружил Хинди в полном здравии, что ли. Каким-то свежим даже. И глаза были не такие, как тогда у всех, одинаковые, словно, по словам Гарелика, одна мать их всех родила. Ясные глаза. Правда, в них печаль и тоска. Но вот ясные — это точно. Обо всем этом я не мог не думать, потому что хорошо знал: Хинди наркоман. И за пять лет он скорее должен был заметно сдать. А тут посвежел.

Вечером встретились в моем номере. Точнее, номерочке, в котором едва поместилась дополнительная табуретка с продолговатой дыркой, прорезанной в середине сиденья. Узнал я, что мой собеседник порвал с группой сразу же, как его товарищи уехали. Тяжко ему приходилось. Остался он один, как перст, в порту, считающемся самым далеким городом страны. Далеким от Москвы. Есть населенные пункты, расположенные подальше. Но речь идет о статусе города. Областном центре. Дружки оставили ему немного денег и приличный запас «товара», большей частью в виде «колес» — так они называли таблетки. И курил, и глотал, и кололся. И даже продавал, чтобы купить продукты для больной жены.

Жена умерла в больнице. Похоронил он ее в Петропавловске-Камчатском. И день похорон был последним днем, когда

он принимал наркотики. Беседу нашу я записал в блокнот, как говорится, по свежим следам.

— Я поклялся на ее могиле, что порву с прошлым. Обещал, что устроюсь на работу. Заработаю денег. Поеду на материк и привезу дочь. Решил, что сменю имя дочери и назову ее Леной, как звали жену. Воспитаю. Но не знал я тогда, что уже к вечеру начнутся мытарства. Что на следующий день я буду близок к помешательству. Спал я на чердаках, в подъездах, прислонившись к теплым батареям. Заснуть никак не мог. И не только из-за холода. Постоянно хотелось курить или колоться. Мучила бессонница. Мучила какая-то зверская обозленность, желание даже убить кого-нибудь. Страшно страдал от галлюцинаций, от разламывающих болей во всем теле, словно грипп одолевал меня. То чувствовал, как все тело горит, то дрожал от холода. Я агонизировал. Корчился от одеревеневших мышц, и в тумане, но явно сознавал, что это все и есть предсмертные судороги. Множество раз брался за шприц. Понимал, что достаточно одного укола — и сгинут все мучения, что я заново буду рожден. Но всякий раз передо мной появлялась Лена. Она умирала на моих глазах. Много раз умирала. Словно снимали разные дубли в кино. И всякий раз перед смертью говорила мне одно и то же. Ты сильный, ты можешь, ты должен ради нашей дочери. Еще труднее было на следующий день. Тысячу раз хотелось нарушить табу. В беспамятстве, как это бывает во сне, казалось, даже колелся, но какая-то потаенная сила сдерживала. Я понимал, что все это делает Лена. Она для меня жила. И хорошо мне было, когда я навещал ее на кладбище. С каждым днем мне становилось хуже. И не знаю, как все обернулось бы, если бы меня не подобрали в одном из подъездов на Мишенной сопке и не отвезли в вытрезвитель. Я не стал сопротивляться. Да у меня и сил не было для этого. И желания не было. Туман и иллюзия. С группой бичей-алкашей пятнадцать дней выходил я на очистку снега. Впервые после долгого перерыва поел горячих щей. Вот это я помню хорошо. Словно сегодня утром было это, а не годы назад. Там же в вытрезвителе я познакомился с рыбаками. Среди них был даже бывший старпом большого морозильного рефрижераторного траулера. Вскоре я оказался среди матросов тралового флота. Первый же выход в море продлился восемь месяцев.

— А в море не тянуло? — спросил я, не уточняя, к чему именно должно было тянуть.

— Как не тянуло? — ответил он вопросом на вопрос.

— А как ты терпел?

— Была бы моя воля, я бы всех наркоманов или по крайней мере всех, кто хочет излечиться, отправил бы в море. И не для того чтобы погладели на Гавайские острова или чтобы прощлись по Сингапуру. Один только воздух самого черта излечит. Нелегко мне было еще и потому, что ребята давали родным и близким радиogramмы, ждали встречи с ними в порту, лишь я один страшился возвращения. Правда, дал радиogramму на материк родителям жены. Сказал, что заберу дочь.

— А как ты думал жить? По восемь месяцев в море и дочь малолетняя на берегу.

— Видите ли, когда человек отходит ото сна, ему уже не составляет труда предстоящий день прожить. А я по возвращении с моря хоть и качался на тверди с непривычки, но чувствовал уверенность в себе. По ночам все еще продолжал видеться во сне с друзьями. Курил во сне. Кололся. Даже кайф чувствовал перед тем, как проснуться в поту и страхе.

— Устроился я на судоверфи. Я же с детства возился с техникой, любил машины. Механиком даже работал в таксопарке. Жил в общежитии судоверфи. Не скрою, очень даже старался, чтобы меня заметили. Тут дело было такое. Или должен был в очень быстрые сроки получить квартиру, или — пиши пропало. Пьянка жуткая в общежитии. А мне никак нельзя было. Это ведь только придумал кто-то, что, мол, если колешься, то не пьешь. Мол, алкаш сам по себе, анашист сам по себе, колун, как мы себя называли, сам по себе. Ничего подобного. Очень даже уживаются они. Даже друг без друга не могут. Да и началось у меня, например, с того, что во дворе ватага пацанов пустила по кругу самокрутку, которую сворачивал самый старший из подростков. И очень скоро все мы стали рабами этого нашего атамана, который бог весть откуда доставал анашу. Наступила у всех у нас такая зависимость от этого парня, что, прикажи он школу спалить, мы бы выполнили враз, лишь бы дал затынуться.

— Ну, а что взрослые?

— Вот не поверите, никому дела до нас не было. Потом я узнал, что не один наш двор, так сказать, затянулся. Курят многие. Кто запретит? Вон и сейчас ведь в школьных уборных дым коромыслом стоит. Кто принимает к табаку? Это же знать надо специфику, чтобы учуять запах. О никотине писали, говорили, страшали. О водке тоже. Да и в голову никому из нас не могло прийти, что мы в омуте оказались.

— А как вы очутились в той компании, которую тогда задержала милиция?

— Это и есть тот самый омут. Кто-то придумал «рыбак рыбака», и пошла поговорка. А колуны знают друг друга, заочно знают друг друга. Это как идет молва об исцелителе-чудотворце, так в нашем деле мы хорошо знали чуть ли не место свиданий в том или ином городе. И контингент свой имеется. Вот и попал я в ту группу, которая действовала с размахом. Ездили туристами по стране. Деньги зарабатывали на контрабанде. А еще среди нас были дети, которых мы называли ДК...

— Дом культуры, что ли?

— Дойные коровы. Правда, так прозвали детей очень высокооплачиваемых и высокопоставленных родителей, которые ни о чем и не догадывались. Модно же ведь нынче группами путешествовать, познавать родной край. А как можно догадаться? Кто не курит нынче, кто не пьет нынче?! А верховодил нами человек, которого мы прозвали Арисом. Человек, который очень даже хорошо знал жизнь.

— Вы говорите, прозвали его Арисом. А полное имя?..

— Имени его никто из нас не знал. Так он сам себя называл, сократив имя философа Аристиппа. До сих пор меня кидает в дрожь, когда вспоминаю его лекции-проповеди. Надо отдать ему должное. Человек талантливый. С цепкой памятью. Владел, думаю, очень хорошо и очень тонко искусством гипноза. Слушаешь его: вроде не спишь, а отключаешься начисто. И вот уже осознаешь, что человек вовсе не случайно является продуктом высочайшего наслаждения. И рождается он только для наслаждений. А теперь представьте себе: тебе внушаются эти мысли в тот самый момент, когда ты находишься под кайфом. А уж коль само наслаждение можно до приторности ощутить на фоне презрения к страданиям, к боли, то попробуй — добивайся своего в самый момент, когда ты протестуешь...

— Не понимаю.

— Теперь и я не понимаю. Но схематично речь идет о том, чтобы выступить против тех, кто не знает сладостей жизни. Например, почему бы не раздеться догола мужчине и женщине и почему бы на глазах у всего города не любить друг друга.

— Но ведь в этой философии есть что-то такое скотское, животное.

— Дело в том, что все это уже было на земле. Правда, никто не знает, какими средствами древние гедонисты добивались наслаждения. Но все было. Я лично думаю, что и в школе кире-

наков была распространена наркомания. Ведь мы сегодня только произносим термины. Ну, скажем, гедонизм, эвдемонизм, натурализм, эгоизм, цинизм, интуитивизм, неотомизм, утилитаризм, фетишизм, индивидуализм и еще бог весть какие там «измы». А ведь все это целые школы, течения. Под них подвиглась философия.

— А в ту пору, когда ваша компания так страстно увлеклись этими «измами» в современной, так сказать, интерпретации, вы хоть знали, чем все это кончилось для тех же греков?

— Когда протрезвел, тогда подумал. «Измы» эти привели к упадку Греции, а потом и к гибели Рима.

— А что стало с вашей женой? — спросил я, пытаюсь вернуть тему разговора из глубин тысячелетий к сегодняшним дням.

— Когда лайнер наш отошел от Владивостока, направляясь на Камчатку, она уже чувствовала себя плохо. Вообще в последнее время, я имею в виду до того, как мы решили совершить туристическую поездку по Дальнему Востоку, она часто хандрила, выключалась. Пока не уколетса, все время вспоминала дочь, которую мы оставили у ее родителей. Сама зависимость от наркотика или, как мы лихо произносили, абстинентные проявления, тяжело переносить не только потому, что ощущалась страшная тяга к «колесу» или к шприцу, но и потому, что на таком вот неестественном фоне как-то просачивались, если можно так выразиться, элементы сознания. Скажем, как бы ни было тяжело, а вот вспоминали родных и близких, вспоминали дочь. Но стоило принять наркотик, да еще с выпивкой вместе, как все начисто забывалось. А если и думал о дочери, так никаких тебе забот. Всё как в раю. Вот и глушила мощными дозами свое сознание Леночка. И я ей помогал. Сам делал ей уколы. Бывало, я впрысну, не зная даже, что несколько минут назад она уже сделала себе укол. Так ей жадно хотелось, что скрывала от меня. Я узнавал только по количеству ампул морфия, счет которым вел сам. Отправляясь в дорогу, мы, повторяю, брали с собой большой запас. Это, с одной стороны, вроде бы хорошо, потому что не давит подсознание, мол, вдруг кончится товар. С другой, — само обилие приводит к перебору. Так было и с Леной. Уже по прибытии в Петропавловск-Камчатский она практически приняла в первый же день, по моим расчетам, тройную, если не больше, дозу. И это не считая водки. Ее ведь повезли в больницу в судорожных припадках. Никогда не забуду этого. Мне позволили сопровождать ее в машине «скорой помощи». И помню, как в этот момент мне уже захотелось при-

нять свою дозу, иначе самого уже вот-вот должны были хватить судороги. А тут врачи, сестры. Так незаметно для них я проглотил горсть кодеина. Не поверите, а вот я тогда запросто мог работать в аптеке. Полные карманы и сумки всяких там препаратов под общим названием, скажем, психотропные, снотворные, стимуляторы. Мы хорошо знали, какие, когда и как принимать. Знали даже таблицу несовместимости. Знали, чего и сколько нужно, чтобы вернуть себя к психическому комфорту. И Лена хорошо все это усвоила. Но в тот день она полностью потеряла над собой контроль. Одному Богу ведомо, что она пережила в те дни и каково было мне. А рано утром доктор Каптеров, с которым я успел подружиться, передал мне страшную весть... Вот не поверите, меня тотчас же окутал страх. Опять словно омут засосал на дно. Страшился того, что я просто не смогу ее хоронить. Первая реакция — это принять «товар» и забыть. Хотя уже тогда, в те самые минуты я стал обнаруживать в себе какие-то пробуждающиеся силы, наполненные, смешно сейчас прозвучит, но скажу: трезвостью и мудростью. Сравнение, понимаю, получится нелепое, но все же сделаю. Подобно тому как разведчикам дают команду: «Приказываю выжить!», кто-то и мне давал строгую команду, мол, кто же, если не ты, похоронит жену, мать твоей дочери? А это значит — нельзя забыть. А это в свою очередь значит — нужно терпеть, нужно преодолеть, даже и пережить мучительный дискомфорт. Тоже любимое наше слово было.

Узнал я от Хинди, что у них были и другие любимые слова, даже целые фразы. Например, в момент, когда затягиваешься или принимаешь таблетку, или колешься, непременно говоришь себе: «Сейчас мне хорошо, через час будет замечательно». Перед последним приемом «товара», то есть перед сном, уже можно сказать: «Сегодня было хорошо, завтра будет замечательно».

Но для самого Хинди не наступило замечательного завтра. Похоронив жену, пережив кошмарные дни на чердаках, в подъездах, у помойных ям большого города, он случайно спасся и даже случайно выжил. Нашел, правда, в себе силы, преодолел себя. Вернулся с моря, как сам выразился, человеком. Устроился на работу механиком на СРВ, как привычно в Петропавловске называют знаменитую на весь Дальний Восток судоремонтную верфь.

Получив квартиру, Хинди поехал на материк. Привез дочь, которой было к тому времени уже пять или шесть лет. Но еще там, дома у родителей жены, отец понял, что дочь явно страдает

слабоумием. Признался мне, что вначале не хотел брать с собой девочку. Но потом стыдился того, что в голову могла прийти такая вот дикая мысль. Делая после беседы записи, я четко помнил, как мой собеседник развил по-своему эту самую «дикую мысль». Он сказал буквально следующее: «Однако одна дикая мысль родила другую, не менее дикую. И я поймал себя на том, что как будто даже обрадовался ситуации, в которую поставила меня жизнь. Это и есть мой крест, и носить мне его до конца жизни».

Много он читал о фатализме и роке диагноза. Но не хотел верить врачам. «Если Богу было угодно, чтобы ребенок все-таки появился на свет, значит он оставил хоть малюсенькую надежду, хоть луч света». И отец упорно шел к свету. Я бы даже сказал, к «своему» свету. Заведующий Камчатским облздравотделом Н. С. Колесников помог перевести девочку в другой интернат, поближе к городу. И теперь отец уже буквально пропадал в школе. Отпуск проводил только с дочерью. Создал целую систему обучения и воспитания. Он с величайшим трудом ваял по крохам человека из «почти неподатливого материала». Это тоже его слова.

Мы подружились. От него я узнал, что трагически сложилась судьба многих из той компании. По дошедшим до него слухам, атамана убил кто-то из членов «туркоманды». Самый юный в компании, как стало известно, изнасиловал собственную мать и потом повесился. Об остальных вестей нет.

Уже тогда можно было видеть, как явно и упрямо распространяется зло. По долгу врачебной и журналистской службы я собрал большой материал. Вместе с Николаем Семеновичем Колесниковым посетили главного редактора «Камчатской правды» В. П. Дмитриева. Рассказали о беде, которая растет, как снежный ком. Предложили выступить в газете. Василий Петрович развел руками и сказал: «К сожалению, тема запретная».

Долго еще на тему было наложено табу. И долго в брошюрах санпросвета писали о том, что у нас «отсутствуют социальные предпосылки для развития наркомании», «имеются отдельные случаи употребления наркотиков главным образом среди асоциально или преморбидно аномальных личностей». Такие вот железобетонные термины, которыми, как ширмой, прикрывали эту такую страусиную политику. Да чего там цитировать из далеких далей? Даже в специальной «Методической рекомендации», выпущенной Минздравом СССР, черным по белому писалось: «В Советском Союзе наркомания не представляет собой серьезной социально-гигиенической проблемы». Обма-

нывали сами себя. До самого последнего времени мы открыто считали, что даже алкоголизм (что же говорить о наркомании) является пережитком капиталистического прошлого. Так считали даже тогда, когда среди, так сказать, отечественных хронических алкоголиков не осталось ни единого «экземпляра», рожденного до революции.

По признанию специалистов-наркологов, сама гласность уже стала феноменальным средством в деле профилактики и лечения людей от страшного недуга. Все чаще и чаще предотвращается беда, нависшая над многими судьбами. И все же, как это нередко бывает в подобных случаях, не успели объявить открытый бой против наркомании, как выяснилось, что зло нашло противоядие. Сразу же увеличилось число тех, кто употребляет трудноконтролируемые наркотики, к коим, как известно, относятся дикорастущие сорта конопли, содержащие тетраканнабинолы. Это примерно как никотин в табаке. Увеличилось число так называемых токсикоманов (официальный медицинский термин). Речь идет о тех, кто злоупотребляет химическими, биологическими, лекарственными веществами, вызывающими привыкание, но не признанными республиканскими законодательствами и международными конвенциями наркотическими веществами. В этой связи уже появились разного рода распространяемые толки и мнения о том, что, мол, не все наркотики опасны. Песня старая и знакомая. Просто есть сильнодействующие средства и слабые, как градусы спиртных напитков. Специалисты утверждают: «Особую тревогу вызывает тот факт, что многие лица, употребляющие гашиш, впоследствии переходят к приему сильнодействующих наркотических веществ». Разные виды наркомании, как это было видно из рассказа Хинди о своей компании, протекают по-разному. Общим, пожалуй, для всех является финал. Человек теряет человеческий контроль над собой, и мы уже имеем дело с патологией.

Есть и официальное название этой самой патологии. «Отключение тормозов». Термин не мой. Больной не замечает, как его постепенно засасывает в омут. Читал много раз о том, что наркоман практически лишается тех физиологических и чисто человеческих свойств, которые заложены в нем изначально природой. Не случайно ведь в народе говорят: ворон ворону глаз не выклюет. Собравшись в кучу, воронье беспрерывно лупит друг друга клювами. Но никогда они не попадают в глаз. Как только клюв приближается к глазу сородича, тотчас же «включаются тормоза» и голова останавливается, как по ко-

манде «замри». Исключено, чтобы ворон выклевал глаз ворону. Но вот, помню, в рязанском медицинском институте слушал лекцию о том, как ученые превратили контрольную группу несчастных птиц в «наркоманов» и они, птицы, чуть ли не все ослепли. Что ни удар клювом, то — по хрусталику.

Лишенный тормозов наркоман вынес на балкон девятого этажа грудного ребенка. Читаю об этом в истории болезни. Курит он давно. Особенно много курил в тот злосчастный день. Стоял на балконе и «кайфовал», глядя вниз на мостовую. Врач записал слова пациента в истории болезни: «Смотрел я вниз и все время думал: интересно, что случится со мной, если я брошусь. Хватит ли у меня силы воли перешагнуть через перила и вернуться назад... Смогу ли держать в вытянутых руках ребенка и не отпускать рук». Ну и чтобы «проверить» себя, он взял из кровати спящего ребенка, вынес на балкон. Подержал минуту-другую в вытянутых руках. И бросил на мостовую. Тормоза не сработали.

Я видел многих людей, которым удавалось вырваться из когтей смерти. И всегда вспоминал Хинди, который говорил о том, что словно проснулся от летаргического сна.

Средний возраст абсолютного числа наркоманов — студенческий. Жизнь показала, что нужно отказаться от старых догм типа: «До начала формирования гашишной наркомании большинству исследованных лиц были присущи бедность и однообразие интересов. У трети будущих больных с детских лет отмечаются социально негативные жизненные установки». Теперь-то мы хорошо знаем, что до недавнего времени «исследовались» в основном именно те, кому «были присущи бедность и однообразие интересов». А отпрыски из так называемых благополучных и так называемых элитарных семей оставались вне поля зрения исследователей. О них можно было услышать лишь тогда, когда обнародовались громкие судебные процессы по делу об убийствах, насилии, угонах самолетов. Стали появляться в печати данные принципиальных исследователей: «Более половины опрошенных исследователями выросли во вполне благополучных семьях, отнюдь не в коммунальных квартирах, особенно ни в чем не нуждались».

Примеров тому тьма, когда самые, казалось, законченные наркоманы и токсикоманы начисто порывают с прошлым. Подросшая помощь спасает их из омута. Наркоманы находят в себе силу воли и борются со злом до последнего. Чаще всего, к великому сожалению, такое удается сделать после больших по-

терь, сломанных чужих судеб, разбитых семейных очагов. Так было с Хинди. Потеряв жену, он жил памятью о ней. Ему удалось-таки вылечить больную дочь, которая была впоследствии переведена в общеобразовательную школу.

Никогда, наверное, не забуду, как Хинди, пережив неимоверную личную трагедию, все же не то что не обвинял ту самую компанию, в которую он попал еще в юношестве, того самого атамана с его «сладкой» философией, но как будто даже пытался оправдать их. Об этом мы говорили подолгу. Спорили. Хотя, честно говоря, я его понимал. Иногда ведь можно слышать о том, как надо ограждать своих детей от улицы, от дурного влияния ее, от сомнительных компаний. Забываем при этом, что и улица — наша, и обитатели ее — наши дети, и даже сомнительная компания находится не на другой планете. Нельзя действительно думать о судьбе своего дитяти, презрев при этом судьбу соседских мальчишек и девчонок. Дело это не только безнравственное, но и безнадежное. Спасти надо всех и каждого. В том числе и «ту компанию», и того «атамана».

Все хорошо знают, что, скажем, цианистый калий не только моментально убивает, но он еще и... недоступен. Нельзя его достать, и всё тут. И никаких гвоздей. А вот «банальные» наркотики, которые, по существу, отличаются от цианистого калия лишь тем, что убивают медленнее, доступны всем. В одном из официальных докладов подчеркивается: «Необходимо признать, что независимо от характера личности, образования, области деятельности, обстановки в семье, каждому молодому человеку доступна возможность познакомиться с наркотическими средствами». Газеты сообщают, что, «по данным исследования, 30 процентов опрошенных доставали наркотики либо в аптеках, либо у медицинского персонала».

Говорят, ничего по большому счету не изменилось с античных времен. По-прежнему худший из недугов — это быть привязанным к своим недугам. Сегодня, как и в те далекие времена, лекарства действуют медленнее, чем болезни. Всегда одинаковую силу имеют формулы: надежда выздороветь — половина выздоровления; ничто не кончено для того, кто жив... и так далее и тому подобное. Изменились лишь, по большому счету, скорости. И сегодня в отведенные нам поистине Новым временем часы испытаний любое промедление может оказаться губельным. Многое, если не всё, зависит от нашего поколения, которое нынче прекрасно сознает, что несчастье побеждается только сопротивлением. И сказано это давно еще.